

Глаза Цзи Су, без сомнения, были прекрасны. От природы наделённый холодным, почти бесстрастным лицом, он походил на небожителя, сосланного в мир смертных, — отрешённый и далёкий, словно ему было предначертано избавиться от всех семи страстей и очистить шесть корней от мирской скверны. Редкие проблески чувств, появлявшиеся в его взоре, были подобны горному туману, что клубится над пропастью, — невесомые, бескрайние, скрывающие под собой бездонную тьму.

Один неверный шаг — и дальнейшее уже от тебя не зависит.

Поэтому, сколь бы ни был прекрасен этот человек, Цзи Вэйцю никогда не осмеливался смотреть на него долго.

Их взгляды встретились лишь на мгновение, после чего Цзи Вэйцю поспешно отвёл глаза. Но даже не глядя, он ощущал на себе небывало пристальное внимание Цзи Су. Во рту пересохло, и им овладело невиданное прежде напряжение.

Узор из тысячи облаков и струящихся вод, вышитый на широких рукавах, вдруг показался Цзи Вэйцю необычайно притягательным. Он до боли сжал ладонь, спрятанную под ткань, а в следующую секунду, словно ничего не произошло, поднял голову и улыбнулся:

— К чему притворяться, брат-император? Ты же знаешь, придворные дела меня не интересуют. А раз уж ты спрашиваешь моего совета... что ж, тут два пути: либо по-тихому, либо по закону.

Говоря это, Цзи Вэйцю ощутил странное чувство: надо же, речь идёт о высшем чиновнике провинции, а он рассуждает так, будто на дороге столкнулись две повозки.

— ...Если по-тихому, я велю его избить, а потом сдам властям. Если по закону — прикажу Син Бо составить доклад и утопить его в обвинениях. В любом случае, закон на моей стороне. Как в своде законов написано, так и осудят.

Цзи Вэйцю вошёл во вкус и добавил, задрвав подбородок:

— У меня брат — император, а у него? Чего мне бояться?

Тон его стал высокомерным и звонким.

Цзи Су, не выказав ни радости, ни гнева, лишь слегка кивнул.

— И это всё?

— А что ещё? — ресницы Цзи Вэйцю дрогнули. Он думал именно так, и так и сказал.

— А если я повелю возвысить его в чине и не стану наказывать? — задал новый вопрос Цзи Су.

— Хмф, — холодно хмыкнул Цзи Вэйцю и уверенно заявил: — Тогда в будущем его ждёт ещё более страшная смерть.

Взгляд Цзи Су стал глубже.

— Ты настолько веришь, что я восстановлю справедливость ради тебя?

— ...Рано или поздно, — Цзи Вэйцю сделал неопределённый жест рукой, но глаза его горели. — Если ты его не казнишь, брат-император, значит, на то есть причины. Возможно, он ещё для чего-то нужен. Когда польза от него иссякнет, казнить будет не поздно... Я могу и подождать. В конце концов, главное — благо государства.

— А если я не казню его никогда?

— Ну что тут поделаешь, придётся терпеть! — Цзи Вэйцю задумался. — Хм... Если он и впрямь гений уровня советника Чжугэ и предан тебе, брат-император, то что мне какой-то донос? Да пусть хоть к воротам моего дворца придёт и в лицо меня поносит.

— Готов на такие унижения? — уголки губ Цзи Су слегка изогнулись в едва заметной улыбке.
— Чего же ты ищешь?

Он повторил тише:

— Чего ты ищешь?

— Конечно же, процветания державы, чего ещё? — не задумываясь, ответил Цзи Вэйцю.

Он с удивлением посмотрел на брата.

— Брат-император, я — князь императорской крови. С самого рождения я живу за счёт народа, наслаждаясь всеми благами этого мира. Как ты сам говорил, я человек посредственный и недалёкий. К счастью, я не испорчен душой, не способен ни на великие свершения, ни на великие злодеяния. У меня нет особых стремлений, я лишь хочу и дальше жить в своё удовольствие, ни в чём не нуждаясь.

Взгляд Цзи Су был глубок и непроницаем.

— Продолжай.

— Что может быть проще? — продолжил Цзи Вэйцю. — Если этот человек обладает талантом, сравнимым с гением советника Чжугэ, и преданно служит тебе, брат-император, то наша династия будет процветать... А раз страна богата и казна полна, я, как князь, смогу и дальше наслаждаться роскошью. Что мне пара ругательств? Да если он явится, я распахну перед ним ворота, предложу лучший чай, велю слугам массировать ему плечи и спину, а сам буду стоять и слушать, пока он не выговорится.

Цзи Су смотрел, как Цзи Вэйцю, увлѣкшись, расплылся в улыбке, словно уже видел своё безбедное и весѐлое будущее, и ощутил укол абсурдности.

— К тому же, есть ты, брат-император. Разве ты позволишь кому-то замучить меня до смерти?... А если и позволишь, значит, на то будут веские причины. Из двух зол выбирают меньшее, верно? — Цзи Вэйцю выжидающе посмотрел на Цзи Су, словно ожидая его кивка.

Какие сильные слова.

Он был именно таким: жаждущим лишь богатства и роскоши... и всё это он получал от своего старшего брата. Он верил, что брат будет его опорой, даст ему справедливость и доверие. И даже если брат откажется от него, предаст его, он не станет роптать, если на то будет необходимость.

Губы Цзи Су приоткрылись, но в итоге он произнёс лишь несколько слов:

— ...Никчѐмный.

Он хотел сказать что-то ещё, но счёл это излишним. Казалось, любое следующее слово, будь то о престоле или о власти, лишь оскорбило бы эту искренность Цзи Вэйцю.

Тот ещё не понял, куда завели мысли брата, и с улыбкой ответил:

— У каждой палки два конца. Чем я плох в таком виде...

Он и впрямь считал, что неплох. Князь, который не замышляет мятежа, не устраивает смут, не берёт взятки, не похищает девиц, не ворует и не бесчинствует — чего ещё желать? Будь он гением, в литературе равным Ли Бо, а в военном деле — Сян Юю, обладай он законным правом на престол, и, достигнув совершеннолетия, отправься он в армию или на службу в одно из шести министерств, везде снискав бы себе славу и поддержку, — он сомневался, что его брат мог бы спать спокойно.

Но с чего это брат вдруг заговорил с ним об этом? Да ещё так по душам? Неужели этот Цянь Чживэй и впрямь такая важная фигура? И брат пока не хочет его казнить? Или это способ

прощупать его, выяснить, не сговорился ли он с лже-князем?

При этой мысли Цзи Вэйцю замер. Ему в голову пришла одна догадка, и он изумлённо спросил:

— Брат-император, неужели в казне проблемы? На моё содержание не хватает?!

Цзи Су посмотрел на юношу, чьи глаза расширились от изумления, как у глупого оленёнка. Он медленно выдохнул. Среди братьев императорского дома найти такого, как Цзи Вэйцю, было почти невозможно.

Что ж, время покажет.

Он постучал пальцем по столу.

— Иди за мной.

Цзи Вэйцю, хоть и не понял, в чём дело, послушно поднялся. Цзи Су повёл его в главный зал дворца Ясного Покоя, заваленный стопками докладов.

— Просмотри доклады за двенадцатый год эры Тайюань, — приказал он.

По его приказу двое молодых евнухов нырнули в стеллажи и, следуя особым пометкам, отыскивали доклады за тот год. Конечно, не все — те, что хранились во дворце Ясного Покоя, были особой важности.

Цзи Вэйцю всё ещё держал в руках три предыдущих доклада и собирался положить их на стол, но, услышав приказ, застыл.

— ...А?

— Как отвечать на тайный доклад Главы области Цюаньчжоу? Прочтёшь доклады — напишешь для меня ответ, — сказал Цзи Су.

Лицо Цзи Вэйцю вытянулось.

— Брат-император, я же ещё болен... — жалобно проговорил он.

— Это тебя не утомит, — ровным голосом ответил Цзи Су.

— Маленький князь, прошу сюда, — поклонился гунгун Цинси.

Раз уж дошло до этого, отказаться было нельзя. Для Цзи Вэйцю это было всё равно что делать домашнее задание. ...Ладно, по крайней мере, это интереснее, чем переписывать Алмазную сутру. Можно и потерпеть.

Цинси проводил его в алькова, отделённый нефритовой ширмой. Евнухи с докладами последовали за ним. Это место, очевидно, служило Цзи Су для дневного отдыха. Цинси закрыл за ними дверь и с широкой улыбкой сказал:

— Докладов немного, маленький князь, не торопитесь. Если устанете, отдохните, не переутомляйтесь.

— Сяо Чжо, подойди! — позвал Цинси. Сяо Чжо поспешно оставил доклады и подошёл. — Это Сяо Чжо, мой новый ученик. Он уже полгода служит при Его Величестве. Если у вас, маленький князь, будут какие-либо поручения, обращайтесь к нему.

Цзи Вэйцю кивнул. Он узнал этого молодого евнуха. Раз он ученик Цинси, значит, свой человек.

Цинси дал Сяо Чжо ещё пару наставлений и поспешил вернуться к Цзи Су. Сяо Чжо снова поклонился Цзи Вэйцю. Он решил, что этот господин вряд ли любит, когда за ним наблюдают, поэтому, подав фрукты и чай, скрылся за ширмой. Оттуда было удобно следить за происходящим, не попадаясь на глаза знатной особе.

Как только Сяо Чжо скрылся, в комнате стало тихо. Цзи Вэйцю вырос с братом, и привычки у них были схожие. Он не испытывал благоговейного трепета перед этим местом, не боялся что-то сломать или сдвинуть. Потянувшись, он плюхнулся на кушетку-лохань, наколот на вилку фрукт и, жуя, принялся листать доклады.

Сначала он думал, что докладов за целый квартал будет несметное количество и ему придётся корпеть над ними месяц-другой. Но оказалось, что принесли всего десяток свитков — при усердии можно было управиться за сегодня.

Цзи Вэйцю выбрал самый ранний по дате. Эра Тайюань — девиз правления Императора Цзина, его прадеда. Доклад был явно старым. Цзи Вэйцю потрогал бумагу — скорее всего, это была копия, сделанная лет двадцать-тридцать назад, а не оригинал.

Открыв свиток, он первым делом увидел прекрасную каллиграфию. В отличие от официального стиля «гуаньгэ», который предпочитал его брат, этот текст был написан скорописью. Он посмотрел на имя — «Глава области Ляюань, Ли Юньсю». Цзи Вэйцю наугад вытащил другой свиток, написанный стилем «гуаньгэ», и его догадка подтвердилась: этот господин Ли пользовался особым расположением императора.

Даже если кабинет министров предварительно разбирал доклады, сортируя их по важности и отсеивая самые скучные, императору всё равно приходилось просматривать огромное их

количество. Кто захочет целыми днями разбирать сотни свитков, да ещё и вглядываться в неразборчивый почерк? Члены кабинета — опора государства. Не для того же их растили, чтобы они целыми днями переписывали чужие доклады.

Если бы этот господин Ли не был близок к императору, его доклад, написанный таким почерком, никогда бы не лёг на императорский стол.

Первая часть доклада была написана в дружеском тоне, словно приветствие: «Ваше Величество мудры, что отправили меня в столь прекрасное место. Здешние края живописны, климат мягок, ем досыта, сплю сладко, так что не извольте беспокоиться! Я нашёл здесь немало местных диковинок, они куда лучше тех, что поставляют ко двору. Я уже отправил их вам. Когда получите, пусть они напомнят вам обо мне!».

Цзи Вэйцю усмехнулся. Такой тон говорил не просто о расположении императора, а о настоящей близости. Наверняка они были закадычными друзьями. Время прошло много, и он не знал, кто это был.

Он продолжил читать. Вторая часть касалась дел народных: «Здесь у меня всё хорошо, но об одном не могу не упомянуть. В прошлом году область Ляюань постигло бедствие. По вашему указу, ланчжун из Палаты амбаров Чжао Вэйли доставил семенное зерно. Зерна было много, и оно было отменного качества. Господин Чжао лично ездил по полям и объяснял крестьянам, как его сажать. Всходы появились быстро, и всего за десять дней ростки достигли фута в высоту. Уверен, в следующем году будет богатый урожай».

Императорский ответ, написанный киноварью, был не менее интересен: «Трудишься ты в Ляююани усердно, но, зная твои великие замыслы, полагаю, ты обрёл то, чего желал, и труд этот тебе в радость. Если же этого мало, можешь остаться в Ляююани ещё на два срока (шесть лет), а уж потом возвращайся в столицу».

Цзи Вэйцю перечитал несколько раз. Пока что, кроме того, что этот господин Ли был близок к императору Шицзу и позволял себе вольности в общении, ничего особенного в докладе не было.

Брат велел ему это прочесть... Хм, наверное, всё дело в том, что будет дальше?

Цзи Вэйцю отложил свиток. Чем проще и обыденнее всё выглядело, тем более серьёзными, как ему казалось, будут последствия. Иначе зачем брату хранить этот будничнейший доклад? Чтобы показать, какими хорошими были отношения между императором Шицзу и его любимцем? Вряд ли.

Он не был родным, ему можно было бы и посплетничать. Но брат-то был родным внуком. Не станет же он развлекать его сплетнями о предках.

Цзи Вэйцю принялся искать следующий по хронологии свиток. Он случайно перепутал их, и

теперь найти нужный было непросто. Наконец, отыскав второй, он снова улёгся и продолжил чтение. Содержание было ещё менее интересным, чем в первом: сплошные хвалебные оды и восхваления мудрого правления господина Ли Юньсю.

Обычный доклад, скучный, но читать было надо — наверняка в нём что-то скрыто. Цзи Вэйцю заставил себя вчитываться, но чем дальше, тем сильнее его клонило в сон. Он не стал сопротивляться, отбросил свиток, схватил подушку, обнял её и заснул.

Прижавшись к длинной подушке, он вдруг уловил холодный, отрешённый аромат. Он бессознательно втянул носом воздух несколько раз. Запах был знакомым и приятным. Повинуясь инстинкту, он прижался к подушке лицом и через несколько мгновений уже ровно дышал, погрузившись в глубокий сон.

Цзи Су стоял за ширмой. Увидев это, он сделал знак рукой, и слуги бесшумно удалились.

Он один вошёл в альков, сел на край кушетки и осторожно коснулся длинными пальцами запястья Цзи Вэйцю. Он слушал его пульс некоторое время и, убедившись, что всё в порядке, уже собирался убрать руку, как вдруг Цзи Вэйцю схватил её.

Цзи Су подумал, что тот проснулся, но Цзи Вэйцю, не открывая глаз, потянул его руку на себя, подложил под щёку, как подушку, и снова крепко заснул.

<http://bllate.org/book/16115/1585459>